

Развал Русской императорской армии в 1917 году*

Елена Бессчетнова

Кандидат философских наук, преподаватель Школы философии,
заместитель заведующего Международной лабораторией исследований
русско-европейского интеллектуального диалога
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: ebesschetnova@hse.ru

Автор статьи реконструирует события 1917 года, приведшие к гибели одной из самых мощных армий Европы. Проанализировав воспоминания политических деятелей, представителей военного руководства, боевых генералов, тексты большевистских идеологов, архивные материалы и работы современных исследователей, автор приходит к выводу, что именно демократизация армии, начатая после Февральской революции 1917 года, привела к ее развалу. 1 марта был издан знаменитый Приказ № 1, ставший точкой невозврата для русской армии. Его пункты ударили по дисциплине и единоначалию. Дальнейшее военное законодательство только усугубило ситуацию. В статье проводится анализ основных инициатив Временного правительства касательно реформирования армейских институтов и подчеркивается, что данные инициативы способствовали не укреплению боеспособности ослабшей в процессе сражений на полях Первой мировой войны русской армии, а, напротив, ее разложению, формированию антиправительственных настроений и успешной пропаганде большевиков. Большевики в своей антиправительственной агитации делали ставку на разжигание «классовой ненависти» между офицерами и солдатами, что делало безоговорочное исполнение приказов командиров невозможным. Автор статьи подчеркивает, что любое государственное строительство внутри страны возможно только в том случае, если страна защищена мощной и боеспособной армией. Для того чтобы армия могла существовать как сила, ей необходима железная дисциплина и единоначалие. Армия, будучи опорой власти, сама должна быть ведома сильной и признанной властью. В 1917 году солдаты отказались признавать власть своих командиров, тем самым разрушив основу армии, что привело к ее полному развалу.

Ключевые слова: война, армия, Приказ № 1, Революция, логика войны, братания, армейские комитеты, демократизация армии

С момента своего создания регулярная армия Российской империи была самым надежным и гибким орудием самодержавия, особым организмом с жестким корпоративным духом. В Европе был популярен символ русской военной мощи — «образ большого бурого медведя, который вызывал почтительное уважение даже у противника» (Гришин, 2017). Воинская присяга на верность службы Царю и От-

© Бессчетнова Е. В., 2018

© Центр фундаментальной социологии, 2018

DOI: 10.17323/1728-192X-2018-2-299-316

* Статья подготовлена в результате проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

ечеству как для солдат, так и офицеров не была простой формальностью. Она проносилась в виде клятвы Богу перед Евангелием «верно и нелицемерно» служить Императору и защищать его интересы. Армия, в сущности, была единственной действительной защитой самодержавия против революционных сил. Так, в 1905 году именно благодаря действиям правительственных войск, которые вытребовал у царя П. А. Столыпин, стало возможно усмирение восставших.

Но всего за несколько месяцев 1917 года самая могущественная армия Европы превратилась в неконтролируемую толпу в солдатских шинелях. Армия, которая казалась победительницей в Великой войне, не просто проиграла, она практически была уничтожена. Массовыми явлениями того периода стали дезертирство, грабежи, пьянство и убийства. Это не было типичным солдатским бунтом, это был бессознательный отказ от государственной службы. Развал армии Великой войны связан с отказом от этой войны всего народа. В данном контексте правильно понять и оценить произошедшую катастрофу возможно только в перспективе всего пройденного русской армией пути. Сегодня видно, что война, революционные события Февраля 1917 года, деятельность Временного правительства по демократизации армии, приход к власти большевиков — это единый неразрывный процесс.

Первая мировая война внесла свои коррективы в состояние армий всех воюющих стран, никто не был готов к затяжным военным действиям, даже Германия, войска которой были наиболее подготовлены и хорошо снабжались. Россия же, согласно докладу военного министра царского правительства В. А. Сухомлинова начала 1914 года, по уровню обеспечения необходимым снаряжением, боеприпасами и техникой к войне была бы готова только к 1916 году. Позже он писал, что «будь сохранен мир — русская армия в 1916 году была бы с более прочным залогом для проведения в жизнь всероссийских и мировых политических задач»¹. Запасов оказалось недостаточно. Более того, первые же годы войны показали, что восполнить растроченные живые силы народонаселением, способным, а иногда и неспособным носить оружие, не так-то легко. Несмотря на это, к 1917 году русская армия по своей численности и техническому снабжению находилась на самом высоком уровне. М. В. Зайончковский отмечал, что это стало возможно благодаря широкому участию в деле технического обеспечения армии общественных организаций, союзных держав и военных министерств (см. об этом: Зайончковский, 2002: 240).

К моменту начала войны кадровый состав армии насчитывал 1,4 млн человек. В период с 1914 по 1917 год на воинскую службу было призвано 15,5 млн человек, из них 4,5 млн — новобранцы, из которых 3 млн никогда не обучались военному делу (Гришин, 2017).

Огромные потери² и массовая мобилизация привели к кардинальному изменению состава войск. Кадровые проблемы дали о себе знать к январю 1915 года,

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 588. Оп. 14. Д. 16. Л. 6.

2. К началу 1917 года потери русской армии составляли 6 миллионов человек, в том числе 3 миллиона пленных (РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 14. Д. 50. Л. 65).

после четырех месяцев кровопролитной наступательной войны. Генерал Брусилов считал, что регулярной армии больше нет, вместо нее «армия неучей» (Брусилов 2013: 71). Молодых русских быстро обучаемых крестьян, которые становились превосходными солдатами, заменила масса «бородатых семейных людей, интересы которых глубоко укоренились в жизни деревень и хозяйств» (Катков, 1997: 115). В свою очередь, офицерский состав пополнили люди, раньше никогда не думавшие о военной карьере: из земств и городских управ, из русской университетской молодежи, в том числе и радикальной. Появился даже термин «офицер военного времени». Как писал Катков: «Большинство из них поступило на военную службу по патриотическим соображениям. Но патриотизм, как они его понимали, означал присягу родине, а не государю, даже и в тех случаях, когда два этих понятия сознательно не противопоставлялись друг другу» (Катков, 1997: 116). В данном контексте можно вспомнить слова К. Н. Леонтьева, заметившего, что одно дело служить императору, а другое — служить родине, у которой может быть любое правительство (Леонтьев, 1993: 158). Вот оценка генерала Брусилова:

Кадровых офицеров в строю было очень мало, примерно 5–6 на полк; остальной состав офицеров, также в недостаточном количестве, состоял из прапорщиков, наскоро и плохо обученных, из части которых уже впоследствии на практике выработались хорошие командиры. Были не только роты, но и батальоны, во главе которых находились малоопытные прапорщики. Старых унтер-офицеров также почти не было. (Брусилов, 2013: 139)

Армия на австро-германском фронте, растянувшаяся на сотни километров, к 1917 году состояла преимущественно из призывников, подготовленных к войне уже в процессе самой войны, и представляла собой плохо сколоченную крестьянскую массу в солдатских шинелях. При этом остро стоял вопрос ее руководства в ситуации катастрофического дефицита квалифицированного офицерского состава, который так и не был решен. Но самое опасное, что в большинстве своем эта многомиллионная армия к войне относилась безразлично. Так, согласно сводке контрразведывательного отделения Штаба Главнокомандующего армиями Северного фронта, настроение в войсках делилось на три группы: «бодрое», «угнетенное», «безразличное»³:

Наименование частей	«Бодрые», %	«Угнетенные», %	«Безразличные», %
2-й Сибирский корпус	8,1	1,3	90,6
6-й Сибирский корпус	8,3	2,2	89,5
21-й Армейский корпус	7,8	1,4	89,8
48-й Армейский корпус	6,1	2,6	91,3
Латышские бригады	6,9	1,2	91,9

3. РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 14. Д. 16. Л. 34.

Среднее число «бодрых» по фронту было равно 7,4 %, а «безразличных» — 90,6 %. Такой показатель катастрофичен в условиях ведения боевых действий. Безразличный солдат, не понимая, что и зачем вокруг него происходит, легко поддается пропаганде и слепо следует за большинством.

Генералы Н. В. Рузский, А. А. Брусилов и А. Е. Эверт в декабре 1916 года на совещании командного состава упоминали в своих донесениях о случаях дезертирства и отказах идти в атаку⁴. В то же время в офицерских кругах усилилось стремление к освобождению от происходящих безумств, освобождению своему личному, своих товарищей и самое главное — России. Так, Ф. А. Степун писал о тотальном и повсеместном неприятии войны: «В 1917 году уже никто на фронте не чувствовал в войне веяния Божьей благодати. Зато безумием ее ощущали все, открыто связывая к тому же это безумие с глупостью и бессилием власти» (Степун, 1956: 79). Одновременно на передовых линиях фронта обострились системные проблемы. Генералы в своих докладах все чаще акцентировали внимание на перебоях в снабжении продовольствием и боеприпасами. Главнокомандующий Западным фронтом генерал Эверт писал: «Вместо того чтобы иметь месячный запас, мы живем ежедневным подвозом. У нас недовоз и недоед, что действует на дух и настроение. Местные средства исчерпаны. Керосина нет, в штабах корпусов сидят в темноте»⁵. Не могли не отразиться на состоянии армии неграмотность нижних чинов, непонимание ими смысла и значения событий и инициатив военного времени, угасание патриотических настроений, недоверие и критика командного состава. Ситуацию усугубляла неповоротливость громадного бюрократического аппарата. П. Н. Милюков писал об этом: «Организовать Россию для войны правительство было решительно не в состоянии. У него были деньги, но не было людей. Оно могло послать в провинцию чиновников, но это были чужие стране люди, бюрократы, знавшие канцелярию с ее волокитой, но не привыкшие к живому делу, которое неизменно портили и тормозили» (Милюков, 2015: 177).

Однако при всем при том массовых и регулярных волнений, митингов и открытых бунтов против офицеров пока не было. В армии по-прежнему сохранялось единоначалие и строгая дисциплина. Даже случаи братания, имевшие место и до Революции, были вызваны скорее общей усталостью солдат всех воюющих сторон и свойственны как Восточному (русскому), так и Западному фронту. Случаи братания происходили в большинстве своем на Пасху и описывались в солдатских письмах как «замирание», «примирение», «единение», без которых празднование Великого праздника невозможно (Асташов, 2011: 31–32).

Недовольство политикой действующего правительства, падение авторитета династии, распространение слухов об измене императрицы и переговорах о сепаратном мире, безусловно, имели место и в действующей армии, как среди офицеров, так и солдат. На фронте все ждали перемен, но никто не мог себе представить, что они произойдут с такой разрушительной быстротой. А. И. Деникин вспоминал:

4. РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 14. Д. 50. Л. 65.

5. РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 14. Д. 16. Л. 23.

«Войска были ошеломлены — трудно определить другим словом первое впечатление, которое произвело опубликование манифестов (об отречении Николая II и великого князя Михаила Александровича). Ни радости, ни горя. Тихое сосредоточенное молчание» (Деникин, 2015: 164). Военный историк Н. Н. Головин, в свою очередь, точно отметил, что солдатская масса «была слишком темна и инертна, чтобы сразу разобраться в событиях» (Головин, 1939: 129).

В различных частях армии можно было наблюдать совершенно противоречивые проявления: где-то солдаты со слезами на глазах слушали чтение манифеста об отречении императора, а где-то они, напротив, отказывались присягать Временному правительству перед своим полковым знаменем, пока на нем оставался вензель отречшегося императора. При этом стоит подчеркнуть, что на характер настроений войск на фронте имела огромное влияние информация, которую они обрывочно получали из тыла. Как и в первые дни марта, так и на протяжении всего 1917 года революционное настроение солдатской массы напрямую зависело от удаленности от линии фронта. Каждая новая волна разложения армии приходила с тыла.

Таким образом, в наибольшей опасности оказался Северный фронт, находившийся в непосредственной близости к Петрограду. Движущей силой Революции оказались запасные части Петроградского гарнизона, мятеж которого и привел к молниеносной победе революционных сил. Толпы людей с оружием в руках и в солдатских шинелях вышли на улицы столицы ранней весной 1917 года. Т. И. Кирпичников, солдат запасных полков Петроградского гарнизона, был первым *солдатом революции*, первым, кто пренебрег воинской дисциплиной и стал вдохновителем мятежа Волынского полка Петроградского гарнизона. Революционные лозунги к «свободе» и «равенству», которые звучали на улицах столицы, солдатами воспринимались как прямая агитация к бунту против офицеров и уничтожению всех старых порядков.

Разрушительные идеи о том, что императорская армия была армией классово-вой, а офицерство — элемент помещичьей власти над солдатом, вело к усилению отчуждения между ними. Большевики активно пользовались в своей пропаганде идеями классового разделения армии. Но на практике армия в императорской России была одним из самых эффективных социальных лифтов. Г. М. Катков отмечал, что анализ биографий русских генералов показывает, что около 40 % высшего генералитета периода Первой мировой войны и Февральской революции не имели дворянского происхождения (Катков, 1997: 109). В частности, Л. Г. Корнилов был сын казака, М. В. Алексеев — сыном солдата сверхсрочной службы, выслужившегося в фельдфебели и потом в офицеры, Д. И. Деникин — сыном крепостного крестьянина, по рекрутскому набору призванного в армию и дослужившегося до майора. Биограф Деникина Дмитрий Лехович заметил, что генерал был «более пролетарского происхождения», нежели Ленин или Троцкий (Лехович, 1992: 25).

В первые дни Февральской революции, когда на улицах столицы бушевали неконтролируемые массы людей, Петроградский совет рабочих и солдатских депу-

татов 1 марта 1917 года издал знаменитый Приказ № 1. Практически все исследователи истории армии солидарны в том, что этот документ стал началом процесса структурных изменений. Конечно, в оценке причины его возникновения взгляды разнятся. Большевистские идеологи писали о документе как о необходимой мере по закреплению свобод солдат. Они прямо называли Приказ № 1 средством спасения революции, для чего необходимо было поднять солдат против своих командиров (Троцкий, 2017: 256). Согласно легенде, озвученной, в частности, Л. Д. Троцким в работе «История русской революции: Февральская революция», и Я. А. Яковлевым в «Разложение армии в 1917 г.», Приказ № 1 — это честный ответ самих масс на вопросы, поставленные революцией перед армией. Так, Троцкий писал: «В горячей атмосфере тех часов, в хаосе заседания, похожего на митинг, под прямую диктовку солдат, которым не успели помешать отсутствовавшие вожди, возник знаменитый «Приказ № 1», единственный достойный документ Февральской революции, хартия вольностей революционной армии» (Троцкий, 2017: 257). В свою очередь, Яковлев отметил, что «Власть — это Совет, другой власти не знали солдаты, диктовавшие маленькому растерявшемуся петроградскому либералу Соколову слова приказа, которому предстояло вскоре стать знаменем организации мужицкой армии на всей территории страны» (Яковлев, 1925: 131).

По мнению С. Л. Франка, Приказ № 1 был ответом на положения воинского устава, согласно которым офицер мог применять физическое наказание к солдатам (Франк, 1992: 331). Боевые генералы (А. И. Деникин, Л. Г. Корнилов, М. В. Алексеев, А. Е. Эверт, Д. Н. Дубенский), политические деятели (П. Н. Милюков, Г. Е. Львов), многие русские интеллектуалы, в частности И. С. Шмелев, Ф. А. Степун, В. В. Розанов, П. А. Сорокин, увидели в нем исключительно опасность, поскольку главная задача Приказа № 1 была деморализовать солдат и разрушить воинскую дисциплину. А. И. Гучков в своих воспоминаниях в эмиграции писал: «Приказы эти [имеются в виду Приказ № 1 и Приказ № 2⁶. — Е. Б.] вредны не сами по себе, а как симптом и первые провозвестники целой работы по разложению армии, которая пошла потом»⁷.

Точку зрения на то, что Приказ № 1 был стихийным волеизъявлением солдатских масс, поддерживают многие современные историки, в частности В. П. Булдаков: «Сам текст Приказа № 1 был сформулирован Н. Д. Соколовым „без всяких голосований“ по требованиям нашедших на него солдат» (Булдаков, Леонтьева, 2015: 475). Однако отметим, что оригинал документа, подготовленного в ходе самого заседания, не сохранился. В «Известиях» от 2 марта 1917 года был напечатан вариант, изложенный уже бюрократическим языком, которым едва ли могли владеть простые солдаты. Если внимательно прочитать пункты приказа и обратить внимание

6. 6 марта 1917 г. был издан Приказ № 2, который ограничивал действие Приказа № 1 только Петроградским гарнизоном и указывал, что Приказ № 1 учредил комитеты, но не выборное начальство, все уже произведенные выборы офицеров оставались в силе; комитеты имели право возражать против назначения начальников.

7. РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 14. Д. 50. Л. 129.

на их стилистику, постановку фраз, невозможно не заметить, говоря словами Гучкова, что он имеет «кинतालское происхождение»⁸ (Гучков, 1993: 66).

Самыми радикальными пунктами Приказа, на наш взгляд, являются:

— пункт № 1, в котором говорится о создании солдатских комитетов, заменивших собой руководство кадровых офицеров;

— пункт № 4 фактически означал отмену присяги носителю власти, воинской иерархии и, как следствие этого, подразумевал, что Временное правительство уже не распоряжается войсками;

— пункт № 5, согласно которому не разрешается выдавать оружие офицерам (хотя Россия все еще вела военные действия и сохраняла свои обязательства перед союзниками).

Итак, Приказ № 1 узаконил создание солдатских комитетов, которые фактически взяли руководство на себя, полностью отстранив квалифицированный командный состав, людей, которые должны были вести за собой солдат в бой и тактически руководить их действиями. Историк русской культуры В. В. Кожин писал: «Если вдуматься в категорические фразы Приказа № 1, станет ясно, что дело шло о полнейшем уничтожении созданной в течение столетий армии — станового хребта государства; одно уже демагогическое положение о том, что „свобода“ солдата не может быть ограничена „ни в чем“, означало ликвидацию самого института армии» (Кожин, 2007: 5). Для продолжения войны в армии нужна была дисциплина, которую должен был обеспечивать офицерский состав. Обнародовав Приказ № 1, Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов выступил против офицеров. Отныне воинские части подчинялись выборным солдатским комитетам. Современный историк С. Н. Базанов отметил, что «действие приказа распространилось далеко за пределы столичного гарнизона. Он способствовал демократизации армии и организации солдат в активную политическую силу» (Базанов, 2014: 196). Этот документ лишил армию единоначалия и сделал невозможным эффективное ведение военных действий. Генерал Корнилов, который в начале Революции был назначен Главнокомандующим Петроградским округом и получил от военного министра самые широкие полномочия для восстановления дисциплины, говорил об этом так: «С первых же шагов своей деятельности я убедился в крайне вредном влиянии на войска Петроградского совета солдатских и рабочих депутатов, который, вовлекая войска гарнизона в борьбу политических партий, проводя в жизнь начала, разрушающие дисциплину и подрывающие авторитет начальников, постоянно дезорганизовывал войска гарнизона. <...> Совет неоднократно пытался принимать непосредственное участие в деле командования войсками с целью иметь в них оружие для достижения своих политических целей» (цит. по: Ушаков, Федюк, 2012: 78).

8. В данном случае Гучков намекает на то, что текст Приказа № 1 был заранее подготовлен и его пункты могли обсуждаться в 1916 году на Кинतालской конференции — Вторая Циммервальдская, международная социалистическая конференция участников Циммервальдского объединения, созданного на Циммервальдской конференции 1915 года.

Фактически Приказ № 1 способствовал разъединению, а не сплочению армии. Последовавшие за ним инициативы Временного правительства по «демократизации армии» только усугубили ее развал, по сути, совпадая с инициативами Петросовета⁹. А. И. Деникин в «Очерках русской смуты» так писал об этом: «Я не склонен идеализировать нашу армию. Много горьких истин мне приходится высказывать о ней. Но когда фарисеи — вожди российской революционной демократии, пытаясь оправдать учиненный главным образом их руками развал армии, уверяют, что она и без того близка была к разложению, — они лгут» (Деникин, 2015: 131).

После Февральской революции (или событий) военные действия на фронте продолжались. Большинство партий первоначально выступили с лозунгом «Война до победного конца». В образованных кругах заговорили о том, что вот, наконец, появился долгожданный смысл ведения войны, которая для России теперь становилась битвой за свободу. Зинаида Гиппиус писала в своих дневниках: «Война должна изменить свой лик. Война должна теперь стать действительно войной за свободу. Мы будем защищать нашу Россию от Вильгельма, пока он идет на нее, как защищали бы от Романова, если бы шел он» (цит. по: Николаев, 2016: 485). В начале весны в редакцию меньшевистской «Рабочей газеты» приходили патриотические письма в поддержку продолжения военных действий до победного конца: «Голос армии и голос страны доносится давно; армия и страна требуют от всех крайне напряженной работы. Этот голос должен быть услышан, иначе наша свобода погибнет под ударами бронированного кулака Вильгельма II, и мы станем снова рабами самодержавия, которое будет восстановлено в России германским императором»¹⁰. Приведем еще один пример: «Разве я не хочу мира, но на что нужен мир такой, что германский бронированный кулак останется несокрушенный, царь Вильгельм останется царем, а свободным народам будет вечною угрозой этот союз центральных монархий?»¹¹.

В данной ситуации необходима была системная работа правительства по укреплению и расширению патриотических настроений на фронте и в тылу. Но вместо этого 27 марта 1917 года Временное правительство опубликовало безвластную и неясную «Декларацию о задачах войны», поддержавшую совершенно иной по смыслу лозунг «Мир без аннексий и контрибуций». Это было предложение именно А. Ф. Керенского, который выступил против политики П.Н. Милюкова. Милюков в своей ноте союзникам по Антанте от 18 апреля 1917 года заявил о готовности русской армии не просто продолжать войну, но вести ее наступательно до побед-

9. Исполнительный комитет Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов состоял преимущественно из представителей партий меньшевиков и эсеров. Весной в состав Исполнительного комитета входил А. Ф. Керенский. Председателем исполкома с 27 февраля 1917 года до 6 сентября 1917 года был председатель фракции социал-демократов меньшевик Н. С. Чхеидзе, только осенью 1917 г. большевики получили главенствующую роль в Петросовете, председателем Исполнительного комитета стал Л. Д. Троцкий.

10. РГАСПИ. Ф. 622. Оп. 1. Д. 58. Л. 7.

11. РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 14. Д. 18. Л. 100.

ного конца. Нота министра иностранных дел вызвала недовольство в солдатских массах. 20 апреля 1917 года состоялась демонстрация солдат и рабочих, которая стала началом апрельского кризиса, после которого было создано коалиционное с Петросоветом правительство и сформулировано новое видение решения военного вопроса и компромиссный лозунг «Мир без аннексий и контрибуций». Генерал Алексеев писал об этом: «Лозунг — без аннексий и контрибуций — приводит толпу к выводу: для чего жертвовать теперь жизнью? Армия на краю гибели. Еще шаг, и она, ввергнутая в бездну, увлечет за собою Россию и ее свободы, и возврата не будет...» (цит. по: Головин, 1939: 159). Фактически данный лозунг могли поддерживать только те, кто войну ненавидел и жаждал мира во что бы то ни стало. Этим не замедлили воспользоваться большевики. После Февральской революции они имели равный с другими партиями доступ к агитационной работе в войсках и начали вести активную и эффективную пораженческую пропаганду в армии. Во многих письмах офицеров с фронта есть упоминания о том, что агитация большевиков на передовых линиях действует разлагающе на солдат. Они чутко улавливали скрытое настроение масс и направляли его в нужное им русло. Если еще в марте лозунги большевиков казались «дикими» и маргинальными, то к октябрю 1917-го они стали одной «из ведущих армейских партий, их поддержка в войсках достигла, по разным данным, от 40 до 60 %» (Гришин, 2017).

Ситуацию также усугубляла постоянная кадровая чехарда в армии. В первые дни Революции перед самым своим отречением император подписал указ о назначении Верховным главнокомандующим великого князя Николая Николаевича, который действительно пользовался большой популярностью на фронте и был, пожалуй, единственным человеком, который мог бы железной рукой поддержать дисциплину армии, не допустить ее до полного развала. Великий князь сразу взял ситуацию в свои руки и отдал распоряжение о том, чтобы в армии, на флоте и в военных учреждениях тыла все приказы и постановления исходили только от имени Верховного главнокомандующего¹².

Такое положение дел не устраивало Временное правительство, опасавшееся попыток военного переворота, поэтому 9 марта великому князю Николаю Николаевичу было направлено письмо от имени министра-председателя с призывом «во благо родины» сложить полномочия Верховного главнокомандующего.

Великого князя сменил генерал М. В. Алексеев (талантливый руководитель Штаба армии, но не полководец). С этого момента Ставка начинает терять контроль над армией: все кадровые и тактические решения принимает лично военный министр, до Революции занимавшийся преимущественно вопросами снабжения армии. Вначале этот пост занимал А. И. Гучков, а после его отставки — А. Ф. Керенский, никакого практического опыта управления армией не имевшие. За восемь месяцев существования Временного правительства сменилось шесть

12. РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 14. Д. 16. Л. 109–110.

верховных главнокомандующих (если считать Н. Н. Духонина, принявшего пост после побега А. Ф. Керенского).

Разложению в войсках способствовал также беспорядок и на других командных постах. Высших офицеров постоянно переводили с одной должности на другую, в частности Корнилов между событиями Февраля, «корниловским мятежом» и арестом успел побывать Главнокомандующим Петроградским военным округом, командующим 8-й армией Юго-Западного фронта и Верховным главнокомандующим. Деникин, в свою очередь, занимал посты Начальника штаба Верховного главнокомандующего, Главнокомандующего армиями Западного фронта и Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. В ситуации постоянной смены командиров наладить нормальное функционирование армии было сложно.

Более того, А. И. Гучков, во многом под давлением Петросовета, начал свою деятельность на посту военного министра с чистки генералитета, уволив «до 60 % высших офицеров, включая 8 генералов, командовавших фронтами и армиями, 35 из 68 командиров корпусов и 75 из 240 начальников дивизий» (Булдаков, Леонтьева, 2015: 477).

5 марта Гучков подписал приказ № 114 «Об организации армии на новых началах», способствующий дальнейшей «демократизации армии». Этот приказ, как писал генерал Деникин, на первый взгляд безобидный, отменял «титулование офицеров, обращение к солдатам на „ты“ и целый ряд мелких ограничений, установленных для солдат уставом. <...> Солдатская масса, не вдумавшись нисколько в смысл этих мелких изменений устава, приняла их просто, как освобождение от стеснительного регламента службы, быта и чинопочитания! Свобода, и кончено!» (Деникин, 2015: 167). 6 марта Гучков дал обещание Исполнительному комитету Петросовета провести в армии реальные меры по введению новых правил взаимоотношений командного состава и солдат¹³. Так начался процесс «революционирования» армии, руководители которой вопреки своей воле были вовлечены в этот процесс.

Основным проектом Временного правительства стало юридическое закрепление процесса создания комитетов, фактически начатого Приказом № 1, а после его обнародования происходящего стихийно. Первоначально в организации комитетов военное ведомство Временного правительства видело способ сохранения дисциплины и боевой мощи армии. 26 марта 1917 года был подготовлен приказ № 91 Главнокомандующего войсками Петроградского гарнизона Корнилова о «временной мере»: учреждении ротных и комитетов в составе одного офицера и четырех солдат. В ведении комитета должны были находиться исключительно вопросы организации быта солдат и нарушения дисциплины. Но приказ так и не был издан, поэтому функционирование Петроградского гарнизона продолжало регламентироваться Приказом № 1¹⁴.

13. РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 14. Д. 20. Л. 16.

14. РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 14. Д. 20. Л. 22.

30 марта 1917 года был издан приказ Верховного главнокомандующего М. В. Алексеева о введении «Временного положения об организации чинов действующей армии и флота». Документ устанавливал обязательность создания солдатских комитетов, но их деятельность строго ограничивалась решением хозяйственно-бытовых вопросов и культурно-просветительской деятельностью, основные задачи комитетов формулировались следующим образом:

- 1) Усиление боевой мощи с целью ведения войны до победного конца.
- 2) Выработка новых форм жизни воина-гражданина свободной России.
- 3) Содействие просвещению среди армии и флота.

Приказ Верховного главнокомандующего начинался со слов

Чтобы не ломать круто тех организаций, кои уже действуют ныне в некоторых армиях, я призываю офицеров, солдат и матросов к дружной, от сердца совместной работе в деле водворения в войсковых частях строгого порядка и прочной дисциплины, без которых никакая армия существовать не может. Войско без дисциплины не может достигнуть победы над врагом. Прежние устои нашей внутренней войсковой жизни устарели. Как и вся свободная Россия, так и вся армия переходят к новым формам жизни. Дружными усилиями всех чинов нам нужно создать новую дисциплину, основанную на разумном, сознательном отношении офицеров и солдат к их великим обязанностям перед Родиной и на взаимном доверии и уважении¹⁵.

Приказ Алексеева — две страницы печатного текста — был похож скорее на воззвание к офицерам и солдатам с призывом осознать необходимость построения армейской дисциплины в новых условиях. Можно сказать, что генерал скорее уговаривал адресатов приказа. Документ явным образом отличался от кратких и емких фраз Приказа № 1, который солдату было воспринять проще, чем длинное нравоучение Алексеева, мало кем прочтенное. Народной массе были понятны скорее четкие и короткие лозунги — наподобие «Долой войну» Ленина.

Ярким примером успешной пропаганды можно считать призыв большевиков к братанию. Ленин писал в апреле 1917 года:

Хорошо, что солдаты проклинают войну... Хорошо, что они ломают каторжную дисциплину, сами начинают братание на всех фронтах. Все это хорошо! Надо, чтобы солдаты переходили теперь к такому братанию, во время которого обсуждалась бы ясная политическая программа. Мы не анархисты. Мы не думаем, что войну можно кончить простым отказом, ее должна закончить и закончит революция. (Ленин, 1969: 461)

В результате братание приняло массовый неконтролируемый характер, стало явлением, которое разрушило классическое представление о том, кто есть друг, а кто враг. Врагом стал офицер, который точно так же шел в бой рядом с солдатом

15. РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 14. Д. 20. Л. 36.

и жертвовал своей жизнью за Родину, а другом тот, кто мог убить солдата в любую секунду во благо своей, но чужой Родины.

16 апреля 1917 года Гучков подписал еще один документ — приказ по Военному ведомству № 213 «О вводе системы выборных войсковых организаций, обеспечивающих каждому воину осуществление его гражданских и политических прав». Кроме комитетов, структурами, создававшимися согласно приказу, были дисциплинарные суды. Позже было введено и «Положение о дисциплинарных судах», а приказом от 21 апреля № 233 обнародованы «Временные правила об устройстве полковых судов в мирное и военное время». Карательные функции дисциплинарных судов отпадали, их основными направлениями деятельности стали поддержание дисциплины и разрешение ссор и недоразумений, возникающих в солдатской и матросской среде¹⁶.

Кроме того, при военных судах был введен институт присяжных заседателей. Юрист, офицер Преображенского полка С. В. Милицын так писал об этом в своем дневнике:

Вот крайне жалкая и неудачная реформа, а главное ненужная. Ее, кажется, никто не просил и не требовал. Почему она проведена? Не по соображениям ли чисто программного характера и либеральной моды? <...> В самом деле! Давать перевес бытовым и иным соображениям над требованиями закона там, где все держится строгой, неумолимой дисциплиной, — разве это не недоразумение? Да еще давать это во время начавшегося разложения армии! (Гессен, 1991: 217)

Практика революционной действительности в течение апреля-мая 1917 года вызвала к жизни институт комиссаров Временного правительства при Ставке главнокомандующих фронтами, командующих армиями и при отдельных корпусах. Военные комиссары считались официальными представителями военного министра. В проекте постановления Временного правительства отмечалось, что введение института комиссаров обосновано сложившейся фактической ситуацией в армии и недоверием низших чинов командному составу. Также подчеркивалось, что именно «для содействия реорганизации армии на демократических началах и укреплению ее боеспособности, равно для борьбы с всякими контрреволюционными попытками — учреждается должность военного комиссара при Главнокомандующем армиями флота»¹⁷. При этом само постановление обнародовано не было, его проект найден в документах А. Ф. Керенского уже после большевистского переворота¹⁸.

Итак, к концу весны 1917 года в армии вместо необходимого ей единовластия присутствовали три властных центра: командиров, комитетов, комиссаров. Действия их не были согласованы, и каждый, отстаивая свои интересы, серьезного

16. РГАСПИ. Ф. 588. Оп.14. Д.20. Л. 156.

17. РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 14. Д. 20. Л. 146.

18. РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 14. Д. 20. Л. 79.

практического влияния на войска в результате не имел. Генерал Рузский на июньском совещании в Ставке, говоря о результатах организации наступления, отметил, что солдаты слушают комитеты только тогда, когда хотят, а когда не хотят, тогда не слушают¹⁹.

Итоговым документом, который официально закрепил процесс демократизации армии, по сути, означавший ее разложение, была «Декларация прав солдата», подписанная новым военным и морским министром А. Ф. Керенским. Декларация окончательно утвердила политику потакания солдатским массам в ущерб дисциплине, основанной на единоначалии. В одном из писем в адрес меньшевистской «Рабочей газеты» есть точная оценка ситуации: «Солдат, через выборного солдата, хочет стать командиром над офицером... рабочий хочет стать распорядителем над инженером и всяким специалистом по делу. Да во власти ли вопрос? Вопрос в будущем России»²⁰.

В послесловии Керенского к «Декларации прав солдата» было сказано: «Пусть самые свободные армия и флот в мире докажут, что в свободе сила, а не слабость, пусть выкуют новую железную дисциплину долга, поднимут боевую мощь страны» (Николаев, 2016: 164). «Дисциплина долга», чести и уважения стали краеугольным камнем политики Керенского в отношении армии. С его легкой руки еще в марте была отменена в стране смертная казнь. В своих речах он намеренно подчеркивал, что «русской демократии не нужно нагайки и кнута, чтобы до конца исполнить свой долг перед родиной... Разумом всей массы будет создана сознательная и разумная дисциплина демократии, свободно защищающей и свободно умирающей за свою родину» (Там же: 164).

Блестящий оратор Керенский стал главным героем «эры уговаривания», завершившей «эру воинов и полководцев». Перед летним наступлением, которое было единственной надеждой стабилизировать политическую жизнь как тыла, так и армии, он объезжал войска и выступал с пламенными речами о гражданском долге, ответственности каждого солдата и офицера, необходимости совместной работы по подготовке наступления. Казалось, они действительно подействовали на уставшие от пассивности войска. В солдатских письмах с фронта прочитывается благожелательное отношение к Временному правительству: «Полк наш решил не идти в наступление, но когда военный министр Керенский бросился перед полком на колени и стал умолять нас не губить Родины и добытой свободы, то солдаты так умилились, что все как один поклялись ему идти в наступление»²¹. Заметим, что против наступления в основном были части, прибывшие из Петрограда, которые привезли с собой «заветы» Ленина.

Одновременно с агитацией в войсках Керенский приступил к формированию добровольческих ударных частей в надежде приостановить развал армии и влить в нее новые силы. Особенно воодушевлен этой идеей был генерал Брусилов, отдав-

19. РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 14. Д. 50. Л. 54.

20. РГАСПИ. Ф. 622. Оп. 1. Д. 58. Л. 65.

21. РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 14. Д. 18. Л. 100.

ший приказ по фронту от 13 июня 1917 года № 439, приложение к которому от 18 июня 1917 года начиналось со слов: «Организацию добровольческих батальонов считать крайне полезной мерой для поднятия революционного воодушевления и наступательного порыва в армии и России, дабы показать армии, что весь свободный русский народ идет с нею в бой за свободу и скорый мир»²².

Надежда военного министра и Верховного главнокомандующего на оздоровление армии с помощью непрофессиональных военных и никогда не принимавших участие в военных действиях, не разделялась другими командирами. В частности, генерал Алексеев в ответ на приказ Брусилова телеграфировал: «Сбор в тылу армии неизвестных и необученных элементов вместо ожидаемой пользы может принести вред для ближнего тыла Ваших армий. Только извлечение надежных людей из состава войск может дать подготовленный материал для формирования. Таков мой взгляд, который не могут изменить Ваши соображения» (цит. по: Головин, 1939: 131).

16 июня Керенским был издан приказ о наступлении, а 18 июня оно началось весьма успешными действиями русских войск. Керенский телеграфировал Временному правительству: «Сегодня великое торжество революции. 18 июня русская революционная армия с огромным воодушевлением перешла в наступление и доказала России и всему миру свою беззаветную преданность революции и любовь к свободе и родине. Русские воины утверждают новую, основанную на чувстве гражданского долга, дисциплину» (Николаев, 2016: 150). Но прав оказался Алексеев: праздник русской свободы длился недолго. Контрнаступление германских войск в корне изменило ситуацию. С 6 по 22 июля солдаты русской армии массово бежали с поля боя. Это был проваленный Керенским как государственным лидером политический экзамен. Русский солдат, ранее никогда еще отказывавшийся воевать, несмотря на превосходство сил и техники, обратился в паническое бегство, открывая фронт для беспрепятственного наступления врага. Я. А. Яковлев весьма точно заметил: «Главная карта Керенского была бита. Потерпев поражение от германской армии, он потерял не Тернополь и Черновцы, он потерял свою армию»²³. От потери армии был всего лишь один шаг до окончательной потери стабильности в государстве.

Критичной была и ситуация в тылу, где большевики организовали выступление под антивоенными лозунгами. В Петроград ввели войска, город объявили на военном положении и начались аресты. Июль оказался переломным моментом для русской армии: несмотря на то что большевики были разгромлены и арестованы, они добились самого главного — наступление на фронте было сорвано. Армия продемонстрировала полное моральное разложение, превратилась, говоря словами генерала Корнилова, в «армию обезумевших, бегущих темных людей» (цит. по: Ушаков, Федюк, 2012: 101).

22. РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 14. Д. 18. Л. 18.

23. РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 14. Д. 78. Л. 73.

Это был и провал политики Керенского. Он подошел к русским солдатам с требованиями, которые были неосуществимы ни в одной европейской армии (см. об этом: Николаев, 2016: 149). Русский солдат стал самым свободным солдатом в мире и получил самые широкие права, но что понимал он под свободой? Г. П. Федотов в своей работе «Россия и свобода» очень точно показал, что для русского человека свобода всегда была непонятным переводом французского слова «liberte», но при этом никто не мог оспаривать русскости слова «воля». Русский мужик стремится не к свободе, которая подразумевает определенный уровень культурного развития и личную ответственность, а именно к воле: «воля есть прежде всего возможность жить, или пожить, по своей воле, не стесняясь никакими социальными узами, не только цепями. Волю стесняют и равные, стесняет и мир. Воля торжествует или в уходе из общества, на степном просторе, или во власти над обществом, в насилии над людьми. Свобода личная немыслима без уважения к чужой свободе; воля — всегда для себя» (Федотов, 1992: 285). Керенский же решил построить оборону страны, опираясь на совесть и разум русского народа, что в принципе невозможно в ситуации безумия мировой войны. Его политика романтического энтузиазма проиграла трезвой политике большевиков, тем самым открыв прямой путь к Октябрю.

После июльского разгрома армия вступила в завершающую стадию своего разложения. Все чаще в письмах с фронта встречались крайне негативные отзывы о Временном правительстве: «Авантюристы власти, разгромившие при помощи обманутых и ослепленных солдат весь аппарат государственного управления»²⁴. Приведем здесь любопытное письмо, отправленное в редакцию «Рабочей газеты» в августе 1917 года: «Знайте, армии нет. Она уничтожена головокружительной «демократизацией». Армии нет. Есть только 10 миллионов аппаратов для перемалывания последних остатков хлеба, 10 миллионов невольных дармоедов, разбойничающих, бесчинствующих, хулиганствующих. Идеи свободы, чести, всякие неприкосновенности личности должны вбиваться дубиной, то есть, выражаясь мягче, должна быть власть сильная. Какая угодно, но власть, могущая оберечь добытые Революцией человеческие права»²⁵. О необходимости сохранения армейской дисциплины, единоначалия в армии, являющейся особым организмом с жестким корпоративным духом, писали в своих воспоминаниях все боевые генералы старой армии. В частности А. И. Деникин справедливо отметил: «Решив вести войну, надо было сохранить армию, допустив известный консерватизм в ее жизни. Такой консерватизм служит залогом устойчивости армии и той власти, которая на нее опирается. Если нельзя избежать участия армии в исторических потрясениях, то нельзя и обращать ее в арену политической борьбы, создавая вместо служебного начала — преторианцев или опричников, безразлично — царских, революционной демократии или партийных» (Деникин, 2015: 580–581).

24. РГАСПИ. Ф. 622. Оп. 1. Д. 63. Л. 34.

25. РГАСПИ. Ф. 622. Оп. 1. Д. 59. Л. 47–48.

Действительно, сильное государство не может существовать без сильной армии, точно так же как и армия не может существовать вне сильной государственной власти. Никакое государственное строительство внутри страны невозможно, если она не будет защищена мощной и боеспособной армией. А для того чтобы она могла существовать как сила, ей необходима дисциплина и единоначалие. Те принципы, которые попыталось заложить Временное правительство в основу существования и функционирования армии, были диаметрально противоположны ее сущности как особого организма. Царская армия, безусловно, нуждалась в модернизации. Но проводить ее следовало не во время войны, а постепенно и в мирное время, не нарушая основ этого, как показал ход русской истории, очень хрупкого института. Реформы Временного правительства, проводимые в армии с постоянной оглядкой на Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, трансформировали действующую армию из закрытого от любой идеологической пропаганды института в политическое поле битвы. Большевики, воспользовавшись провозглашением свободы слова, в том числе на фронте, активно начали вести свою пропаганду, настраивая солдат против своих командиров, призывая не подчиняться их приказам. Большевики, в сущности, тем самым разрушали традиционное представление об армии как особом организме с жесткой иерархией. Дезертирство, грабежи, пьянство и убийства — массовые явления того периода. Это не было типичным солдатским бунтом, какие случались в холерные годы. Это был сознательный отказ от государственной службы. Все инициативы революционного периода, начиная с текста Приказа № 1, продолженные военным законодательством Временного правительства и агитацией большевиков на фронте вели Россию к развалу русской армии и государственности.

Литература

- Асташов А. Б. (2011). Братания на русском фронте Первой мировой войны // Новый исторический вестник. № 28. С. 29–41.
- Брусилов А. А. (2013). Мои воспоминания. М.: ЭКСМО.
- Базанов С. Н. (2014). Великая война: как погибала Русская армия. М.: Вече.
- Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. (2015). Война, породившая революцию. Россия, 1914–1917 гг. М.: Новый хронограф.
- Гессен И. В. (ред.). (1991). Архив русской революции. Кн. 3. М.: Терра, Изд-во политической лит-ры.
- Головин Н. Н. (1939). Военные усилия России в Мировой войне. Париж: Т-во объединенных издателей.
- Гришин Р. (2017). Гибель армии: зарисовки из 1917 года. URL: https://sputnikipogrom/1917_425 (дата доступа: 16.11.2017).
- Гучков А. И. (1993). Воспоминания Председателя Государственной Думы и военного министра Временного правительства. М.: Вопросы истории.

- Деникин А. И.* (2015). Очерки русской смуты: крушение власти и армии. М.: Айрис-пресс.
- Зайончковский А. М.* (2002). Первая мировая война. СПб.: Полигон.
- Катков Г. М.* (1997). Февральская революция. М.: Русский путь.
- Кожин В. В.* (2007). Правда сталинских репрессий. М.: Алгоритм.
- Лехович Д.* (1992). Белые против красных: судьба генерала Антона Деникина. М.: Воскресенье.
- Ленин В. И.* (1969). Значение братания // *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 31. М.: Политиздат. С. 459–461.
- Леонтьев К. Н.* (1993). Избранное. М.: Рарогъ.
- Милюков П. Н.* (2015). Воспоминания (1859–1917). Т. 2. М.: Директмедиа.
- Николаев А.* (сост.). (2016). Керенский pro et contra. СПб.: Изд-во РХГА.
- Степун Ф. А.* (1956). Бывшее и несбывшееся. Т. 2. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова.
- Троцкий Л. Д.* (2017). История Русской революции: Февральская революция М.: Вече.
- Ушаков А., Федюк В.* (2012). Корнилов. М.: Молодая гвардия.
- Федотов Г. П.* (1992). Россия и свобода // *Федотов Г. П.* Судьба и грехи России. Т. 2. СПб.: София. С. 276–303.
- Франк С. Л.* (1992). Религиозно-исторический смысл русской революции // *Маслин М. А.* (сост.). Русская идея. М.: Республика.
- Яковлев Я. А.* (1925). Разложение армии в 1917 году. М., Л.: Гос. изд-во.

The Collapse of the Russian Army in 1917

Elena V. Besschetnova

Candidate of Philosophy, Lecturer at the School of Philosophy, Deputy Head of the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National Research University Higher School of Economics

Address: Myasnitskaya Str., 20, Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: ebesschetnova@hse.ru

The Russian empire was based on strength, and the survival of any of the state's institutions was possible only if the country was protected by a powerful and efficient army. In order for the army to exist as a force, it needed iron discipline and a one-man management. In other words, as the support of power, the army should be led by a strong and recognized authority. Russian soldiers refused to recognize the authority of their commanders in 1917, thereby destroying the army's base and leading to its complete collapse. This collapse led to the famous Order No. 1 being issued on March 1; this order became the point of no return for the Russian army. The points of this Order were highlighted by discipline and a one-man management. Further military legislation only aggravated the situation. This article analyzes the main initiatives of the Provisional Government concerning the reform of the army's institutions. The article also emphasizes that these initiatives did not help to save the combat-capability of the Russian army weakened in the battlefields of

the First World War, but that the Order's initiatives in total were a good basis of the spreading of anti-government sentiments and the successful propaganda of the Bolsheviks. In using anti-government agitation, the Bolsheviks bet on inciting "class hatred" between officers and soldiers, which would make the unconditional fulfillment of the commander's orders impossible. The author of the article underlines the point that further military legislation of revolutionary democracy only aggravated the situation.

Keywords: army, Order № 1, Russian anarchism, revolution, monarchy, Russian nation, logic of war, revolutionary democracy

References

- Astashov A. (2011) Brataniya na rusском fronte Pervoj mirovoj vojny [Fraternizations at the Russian Theatre of War during the World War I]. *Novy istorichesky vestnik*, no 28, pp. 29–41.
- Bazanov S. (2014) *Velikay voina: kak pogibala russka armia* [Great War: How the Russian Army was Dying], Moscow: Veche.
- Brusilov A. (2013) *Moi vospominaniya* [My Memoirs], Moscow: EKSMO.
- Buldakov V., Leontieva T. (2015) *Vojna, porodivshaya revolyuciju: Rossiya, 1914–1917 gg.* [The War That Has Created the Revolution: Russia, 1914–1917], Moscow: Novy khronograf.
- Denikin A. (2015) *Ocherki rusской smuty: krushenie vlasti i armii* [Essays on Russian Riot: Collapse of the Authority and Army], Moscow: Airis Press.
- Fedotov G. (1992) Rossiya i svoboda [Russian and Freedom]. *Sud'ba i grehi Rossii. T. 2* [Fate and Sins of Russia, Vol. 2], Saint Petersburg: Sofia, pp. 276–303.
- Frank S. (1992) *Religiozno-istoricheskij smysl rusской revoluzii* [Religious and Historical Meaning of Russian Revolution], Moscow: Respublika.
- Gessen I. (ed.) (1991) *Arhiv rusской revolucii. Kn. 3* [Archive of Russian Revolution, Book 3], Moscow: Terra.
- Golovin N. (1939) *Voennye usilija Rossii v Mirovoj vojne* [Military Efforts of Russia during the World War I], Paris: Tovarishchestvo obiedinennykh izdateley.
- Grishin R. (2017) Gibel' armii: zarisovki iz 1917 goda [The Death of the Army: Sketches from 1917]. Available at: <https://sputnikipogrom.com/history/47990/death-of-an-army> (accessed 16 November 2017).
- Guchkov A. (1993) *Vospominaniya Predsedatelya Gosudarstvennoj Dumy i voennogo ministra Vremennogo pravitel'stva* [Memories of the Chairman of the Duma and the Military Minister of the Russian Provisional Government], Moscow: Voprosy istorii.
- Katkov G. (1997) *Fevral'skaja revolyucija* [February Revolution], Moscow: Russkij put'.
- Kozhinov V. (2007) *Pravda stalinskih repressij* [The Truth about Stalin's Repressions], Moscow: Algoritm.
- Lekhovich D. (1992) *Belye protiv Krasnyh: sud'ba generala Antona Denikina* [Reds against Whites: Destiny of General Anton Denikin], Moscow: Voskresenie.
- Lenin V. (1969) Znachenie brataniya [The Value of Fraternalization]. *Polnoe sobranie sochinenij. T. 31* [Complete Works, Vol. 31], Moscow: Politisdat, pp. 459–461.
- Leontiev K. (1993) *Izbrannoe* [Selected Works], Moscow: Radog.
- Milyukov P. (2015) *Vospominaniya (1859–1917). T. 2* [Memoirs (1859–1917), Vol. 2], Moscow: Directmedia.
- Nikolaev A. (ed.) (2016) *Kerenskij: pro et contra* [Kerensky: Pro et Contra], Saint Petersburg: RHGA.
- Stepun F. (1856) *Byvshee i nesbyvsheesja. T. 2* [Fulfilled and Unfulfilled, Vol. 2], New York: Izdatelstvo imeni Chekhova.
- Trotsky L. (2017) *Istorija Rusской revolucii: Fevral'skaja revolyucija* [History of Russian Revolution: February Revolution], Moscow: Veche.
- Ushakov A., Feduk V. (2012) *Kornilov* [Kornilov], Moscow: Molodaya gvardia.
- Yakovlev Y. (1925) *Razlozhenie armii v 1917 godu* [Collapse of Russian Army in 1917], Moscow, Leningrad: Gosudarstvennoe izdatelstvo.
- Zayonchkovskiy A. (2002) *Pervaja mirovaja vojna* [World War I], Saint Petersburg: Poligon.